

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« МОРСКОЙ » СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

МОРСКАЯ
СТРЕЛКА

Морской спецназ

Сергей Зверев

Морская стрелка

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Морская стрелка / С. И. Зверев — «Эксмо», 2008 — (Морской спецназ)

Северная Корея создала ядерное оружие, но у государства нет современных средств доставки боеголовок к цели. Иран обладает технологиями создания ракет-носителей, но, в свою очередь, не имеет ядерного арсенала. Эти страны решили объединить усилия, чтобы стать полноценными ядерными державами. Для передачи документации у берегов Новой Гвинеи встречаются иранская субмарина и северокорейское научно-исследовательское судно... Илья Макаров, капитан сверхсекретной российской подлодки, получает задание проконтролировать встречу и не допустить нежелательного для России исхода. Но чудовищное цунами внесло свои коррективы в ход событий...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Морская стрелка

Глава 1

На горизонте показался самый краешек оранжевого солнца. Первые лучи тут же окрасили нежным цветом серую поверхность Японского моря. В этих широтах редко бывает спокойно, а четырехбалльный шторм скорее норма, чем исключение. Двухметровые валы лениво катились к западу, над вспененными барашками появились чайки. Они кружили, высматривая добычу, а заметив ее, камнем бросались к воде и тут же взмывали к небу, держа в клюве извивающуюся серебристую рыбу. Менее удачливые собратья по стае с криком бросались вдогонку. Воздушная схватка обычно кончалась тем, что истерзанная острыми клювами рыба падала с высоты в воду.

Навстречу восходящему солнцу, из территориальных вод Северной Кореи, уверенно шла серая громада крейсера, над кормой которого от утреннего ветра полоскался государственный красно-синий флаг КНДР. Старый крейсер за свою «жизнь» успел сменить и название, и страну, которой принадлежал при рождении. Спущенный в начале пятидесятых годов прошлого века со стапелей Гданьской верфи, он тогда отвечал последнему слову техники. Тридцать пять лет он входил в состав Тихоокеанского флота Советского Союза, а затем был продан по цене металлолома южным соседям на Дальнем Востоке.

Хоть военный бюджет Северной Кореи и составляет почти половину дохода этой страны, но позволить себе содержать современный военно-морской флот она не может. Новый корабль для нее – непозволительная роскошь. На бывшем советском крейсере немного подновили вооружение, оснастили новым навигационным оборудованием, и он еще пятнадцать лет верой и правдой служил коммунистическому режиму Пхеньяна.

Но прогресс нельзя остановить, и «любимый руководитель» северных корейцев, а именно так официально звучит титул Ким Чен Ира, наследника его знаменитого отца Ким Ир Сена, решил, что его стране негоже отставать от самых продвинутых держав планеты. Естественно, он не собирался выводить страну в мировые лидеры по уровню демократии или благосостояния народа. Как всякий диктатор, он уважал только силу. И пусть себе в последние годы в стране от голода умерло более двух миллионов человек, зато ядерная программа Северной Кореи не знала недостатка в средствах.

И вот уже на весь мир северокорейский режим торжественно объявил, что обладает ядерными технологиями. А чтобы никто в этом не сомневался, был произведен и подземный взрыв.

Однако мало изготовить ядерный заряд, уметь привести его в действие – необходимы еще и средства его доставки к цели. А вот с этой самой доставкой у Северной Кореи и не заладилось. Изготовленные по советским аналогам ракеты средней дальности никак не хотели слушаться их создателей. То взрывались на старте, уничтожая пусковые установки вместе с командами, то падали, не пролетев и десятка километров. Но даже при таком авторитарном режиме, как пхеньянский, правители понимают, что в современном мире атомная война невозможна. А ядерные боеголовки и средства их доставки – это всего лишь предмет торга. Мол, не трогайте нас, ведь мы такие страшные. Лучше помогите материально.

И вот в начале зимы старый советский крейсер, изготовленный полвека тому назад польскими судостроителями, оказался в сухом доке. День и ночь на нем, как муравьи, копошились северокорейские кораблестроители. Огненными фонтанами разлетались искры сварки, громыхали толстые стальные листы, срезались старые корабельные надстройки, переоборудовался трюм корабля. А из динамиков разносились бравые военные марши, трепетали на тихоокеан-

ских ветрах кумачовые лозунги. Утром и вечером в нерабочее время с каждой сменой проводились политинформации. И уже к началу лета работы были окончены, был сформирован экипаж, и крейсер вышел в море.

Военным морякам выпала огромная честь – впервые в истории Северной Кореи осуществить с воды запуск ракеты-носителя средней дальности «Тэпходон-2». По замыслу руководства страны, удачный запуск мог бы дать при переговорах с несговорчивым Западом крупный козырь. Ведь тогда бы Северная Корея потенциально могла угрожать не только ближайшим соседям, но и другим странам.

Солнце уже поднялось над морским горизонтом. Волны отливали небесной синевой. Командир северокорейского крейсера твердо стоял на капитанском мостике, вглядываясь в горизонт. Здесь, на высоте, качка ощущалась еще больше, чем на палубе. Сегодня были не лучшие условия для пробного пуска ракеты с учебной боеголовкой. Но пуск уже был санкционирован самим любимым руководителем Ким Чен Иром, а потому вопрос о его отмене не мог даже прийти в голову немолодому командиру военного корабля.

Команда обслуживания пусковой установки уже суетилась возле огромного, в половину длины крейсера, контейнера, установленного на палубе. Открывались замки, снимались крепления, вскоре защитные экраны были сняты с ракеты-носителя. Крейсер выходил из территориальных вод в нейтральные. Волнение среди членов экипажа возрастало с каждой минутой. Наконец штурман доложил по внутрикорабельной связи:

– Вышли в заданный квадрат, товарищ командир.

Лицо немолодого корейца, находившегося на капитанском мостике, не выразило никаких чувств, хоть капельки пота и усыпали лоб.

– Стоп машина, – приказал он. – Включить стабилизационный гироскоп.

В недрах корабля раздалось нарастающее гудение. Электродвигатели, запитанные от силовой установки крейсера, принялись раскручивать пятитонный волчок-маховик гигантского гироскопа.

– Набрано десять процентов от рабочей скорости... пятнадцать... двадцать пять... – бесстрастно докладывал оператор гироскопа.

Наконец волчок разогнался – вошел в рабочий режим, максимально погасив качку. Командир крейсера деловито принимал по внутренней связи доклады всех служб корабля.

– Система пуска активизирована... параметры в норме... к пуску готовы...

И тут диссонансом вклинился тревожный голос оператора корабельного радара:

– С юго-запада пересекающимся курсом приближается вертолет... координаты... скорость... высота...

Командир приложил к глазам мощный морской бинокль, скользнул взглядом по горизонту за кормой. Вскоре он уже видел растущую в размерах черную точку. Еще через минуту можно было разглядеть бликовавший в лучах утреннего солнца блистер кабины и полупрозрачный диск вращающихся лопастей несущего винта. До слуха долетел натужный гул турбин.

– Ну, конечно же, южане, – с отвращением пробормотал командир крейсера, – кто бы сомневался.

Военный вертолет с эмблемой военно-морской авиации Южной Кореи нагло прошелся почти над самой палубой крейсера. А затем, лихо заложив круг над морем, вновь пошел на сближение. Командир крейсера в бессильной злобе сжал кулаки. Если бы это происходило в территориальных водах его Родины, то наглецу пришлось бы туго. Но в нейтральных водах оставалось только наблюдать за вызывающими маневрами винтокрылой машины.

Южнокорейский военный пилот не стал искушать судьбу – мало ли что этим коммунакам взбредет в голову? Вертолет облетел крейсер и завис со стороны слепящего солнца, неподалеку от корабля. Его тень извивалась, переливалась на волнах. Видеокамеры с большим разрешением фиксировали действия экипажа на палубе.

Наконец-то на губах командира крейсера появилась кривая ухмылка.

«Пусть смотрят, пусть боятся, пусть видят нашу мощь!»

Интерес «южан» к испытаниям ракеты-носителя был вполне обоснованным, ведь Сеул числился в списке врагов режима Ким Чен Ира под номером один. И наверняка «Тэпходону-2» с учебной боеголовкой предстояло взять курс на запад.

Под палубой мощно загудели насосы. Напряглись маслопроводные шланги. Медленно выдвигались блестящие штоки гидроцилиндров, возносивших на ажурной металлической конструкции «Тэпходон-2» в стартовое положение. Командир с гордостью смотрел на величественное зрелище. На лацкане его кителя поблескивал эмалевый значок-портрет вечного вождя северокорейской революции товарища Ким Ир Сена. Как старшему офицеру, ему полагался портрет в золотой оправе. Младшие офицеры носили серебряные, а рядовой состав довольствовался медными. Такие значки невозможно было купить, они выдавались пожизненно под роспись, а в случае потери гражданину в лучшем случае «светил» концлагерь трудового перевоспитания.

– Подтвердить готовность к старту, – бросил в микрофон командир крейсера и, выслушав короткие доклады команд обеспечения старта, дал обратный отсчет и приказ всем перейти в укрытие.

Бездушный голос из динамиков медленно отсчитывал секунды, остающиеся до старта. Команды, обслуживающие ракету-носитель, организованно занимали места в укрытии за толстыми броневыми листами. Командир торопливо спускался с мостика, и тут подоспела еще одна малоприятная новость – вахтенный доложил, что в семи кабельтовых от крейсера замечен перископ субмарины, хотя акустики и операторы сонаров в один голос утверждали, что море в этом районе пустынно.

«Американцы или японцы, – решил командир, – их больше других интересует наша ядерная программа». Размышлять о том, почему приборы не замечают подлодку, не оставалось времени.

Казалось, весь крейсер вымер, не было ни одного человека на палубе. Бездушный голос отсчитал последние секунды. Слово «старт» прозвучало как приговор к расстрелу. Польшнули огнем дюзы стартовых двигателей. Крейсер содрогнулся. Волна раскаленных газов ударила в стальные отбойные щиты. Ракета-носитель «Тэпходон-2» торжественно двинулась по направляющим, окутывая корабль клубами дыма. С леденящим душу ревом она рванула в небо.

– Да здравствует любимый руководитель Ким Чен Ир! – не сдержавшись, фанатично выкрикнул командир крейсера, провожая взглядом уносящуюся в небеса ракету.

– Идеи «чучхе» живут и побеждают, – радостно отозвался северокорейский политрук.

Все, что от них зависело, северокорейские ученые, инженеры, военные моряки сделали. И теперь им оставалось только надеяться, что этот пуск «Тэпходона-2» будет успешным. Ведь все предыдущие кончались неудачей.

Глава 2

Однако командир северокорейского крейсера ошибся насчет государственной принадлежности субмарины-разведчика. Подлодка в самом деле затаилась на перископной глубине в семи кабельтовых от его корабля. Но это были не американцы и не японцы, хотя и их субмарины находились неподалеку. Старт учебной ракеты противника всегда представляет интерес для других ядерных держав.

Перископ принадлежал российской мини-субмарине «Адмирал Макаров» – новейшей разработке отечественных кораблестроителей и оборонщиков. Подобных ей подлодок не существовало ни в одном из зарубежных флотов. Да и в российском военно-морском флоте она еще не была запущена в серию, существовала лишь в единственном экземпляре. Прочнейший титановый корпус позволял ей погружаться на глубину до полутора километров, что делало ее неуязвимой для глубинных бомб всех существующих типов. Ходовые электродвигатели переменного тока, установленные на мини-субмарине, работали практически бесшумно.

Даже в надводном положении, когда шла подзарядка аккумуляторов, подлодка не издавала звуков. Инженеры специально для «Адмирала Макарова» разработали уникальную каталитическую силовую установку по получению электроэнергии путем прямого окисления топлива. Ни одной движущейся детали! Правда, пока коэффициент полезного действия ее отставал от дизель-генераторов, но ненамного. Энергетическая расточительность с лихвой окупалась скрытностью подводного корабля. Его даже на полном ходу не засекали никакие гидроакустические приборы.

Вся начинка «Адмирала Макарова» соединялась с прочным корпусом не жестко, а с помощью амортизирующих гидравлических подвесок. Специальная судовая архитектура – тщательно рассчитанные плоскости обшивки, а также высокотехнологическое покрытие из композиционных материалов делали «Адмирал Макаров» неуязвимым и для радаров. Вот такой своеобразный подводный вариант технологии «Стелс».

Запас хода мини-субмарины был ограничен лишь запасом топлива на борту. Но всегда можно дозаправиться от кораблей сопровождения, которые под видом гражданских судов будут ожидать неподалеку. Единственным слабым местом сверхсекретной подлодки являлось то, что приходилось всплывать для пополнения запасов свежего воздуха. Вот тогда-то ее и могли засечь визуально: с кораблей, самолетов-разведчиков и при помощи космического мониторинга. А потому инструкция предписывала осуществлять всплытие только в ночное время или в туман.

Субмарина была буквально напичкана электроникой. По сути, всеми процессами управляла автоматика, а поэтому экипаж состоял всего из десяти опытейших офицеров подплава, каждый из которых владел несколькими военно-морскими специальностями. Курировал проект его инициатор вице-адмирал Столетов. Он и подобрал членов экипажа по несколько необычному принципу. Никто из них не имел близких родственников, а значит, и некому было поднимать информационную волну в прессе в случае ее гибели, как это произошло с атомходом «Курск».

На борту «Адмирала Макарова» не имелось ни одного предмета с российской маркировкой. Все торпеды, мины и стрелковое оружие были закуплены за границей через третьи страны. Даже продукты на камбузе, и те иностранного производства. Экипаж носил форму без знаков различия, а в случае угрозы захвата корабля противником предписывалось уничтожить его. Так что даже по обломкам нельзя было бы установить государственную принадлежность подлодки.

Субмарину оборудовали мощнейшей системой прослушки, которая позволяла осуществлять мониторинг и запись не только традиционной радиосвязи, но и обычных разговоров в

кубриках, в боевых частях кораблей, а также на палубе и на берегу. Броня, переборки, бетонные стены и антипрослушивающие системы для «Адмирала Макарова» не были преградой. Ведь в любом корабельном помещении установлены динамики и микрофоны переговорных устройств. Речь – колебания воздуха, она генерирует через них в проводке слабые токи, которые можно сканировать, а потом отфильтровывать и сортировать.

Такое событие, как испытание ракеты-носителя, нельзя подготовить втайне. Именно потому зачехленного «Адмирала Макарова» и доставили с базы под Калининградом по железной дороге во Владивосток, где в обстановке строгой секретности спустили на воду. В Японском море предстояло сканировать и записать все, что происходит на северокорейском крейсере, и прежде всего – разговоры технического персонала по обслуживанию модернизированных для запуска с корабля «Тэпходонов-2».

– Ракета пошла, – без особой радости в голосе констатировал командир мини-субмарины капитан второго ранга Илья Георгиевич Макаров. Однофамилец и далекий потомок знаменитого российского адмирала Макарова поворачивал колонну перископа, провожая взглядом вздымающуюся в небо ракету-носитель «Тэпходон-2».

Старпом Николай Даргель в это время всматривался в монитор центрального компьютера.

– Норд-норд-вест, – уныло констатировал он, – значит, в сторону России. Нет чтобы к Японии пустили.

После этих слов на центральном посту субмарины с добрых полминуты царил тишина. Штурман торопливо обсчитывал пеленг. Командир сложил ручки перископа. Массивная металлическая колонна мягко пошла вниз. Илья Георгиевич с отвращением посмотрел на боковой монитор, где все еще виднелось изображение северокорейского крейсера, снятого через перископ. Указательным пальцем покрутил колесико настройки, отгоняя запись к моменту старта ракеты, после чего отстраненно произнес:

– Вот дела, старпом. Вся наша противоракетная оборона сосредоточена в основном в европейской части страны. Еще с советских времен, когда думали, что американские ракеты на наши европейские промышленные центры через Арктику полетят. А Дальний Восток практически полностью открыт и уязвим...

Старпом Николай Даргель, соглашаясь, кивнул:

– Москва-то и теперь со всех сторон прикрыта, а толку? Со Штатами, считай, друзья.

– Ну друзья – это сильно сказано. Скорее противники, которые поняли, что лучше «дружить» против остальных.

– И кто бы мог подумать, что теперь главная опасность – наши бывшие друзья, – вздохнул старпом. – Кормили их, сук, вооружали, учили, в бронированном поезде по всей России катали.

– Это ты о Ким Чен Ире, чей вояж через всю Россию железнодорожники и несчастные пассажиры до сих пор вспоминают с содроганием?

– А то о ком же?

– А их северокорейские атомщики, кстати, до сих пор в Дубне на нашем синхрофазотроне стажировались. Выучили на свою голову. Нет, Николай, не могу я понять, что у политиков на уме.

– Чего уж тут понимать. В политике нет постоянных друзей и врагов, а есть государственные интересы, – книжной цитатой ответил старпом.

– Не знаю, какие уж тут государственные интересы России защиты. Пригрели у себя под боком черт знает кого. Вот ты представь себе, если бы это японская или американская ракета упала в акватории порта Находки, как уже не раз случалось с этими долбаными «Тэпходонами», – тут бы такое началось! Вой на весь мир. И звериный оскал империализма им при-

помнили бы по полной программе, и холодную войну... – Илья Георгиевич сузил глаза. – А эти северные корейцы даже извиняться не думали. Плевать они на нас хотели, а мы молчим.

– Мы люди военные, – примирительно произнес старпом, хотя по его взгляду нетрудно было догадаться, что он во всем согласен с командиром, – есть приказ, который мы выполняем. У каждого своя работа. Может, что и поменяется в политике.

– В мозгах должно поменяться, – капитан второго ранга постучал себя пальцем по лбу, – и пока жареный петух в одно место не клонет, там, наверху, никто и не почешется. Ведь падение чужой ракеты в наших территориальных водах – это формально «казус белли», повод для объявления войны. Выходит, этим фанатикам идеей «чучхе» все можно... Вот перенесли бы Генштаб... или хотя бы Государственную Думу вместе с генеральскими и депутатскими семьями в ту же Находку или во Владик – я бы на наших генералов и политиков посмотрел... – командир бросил взгляд на стоп-кадр с изображением северокорейского крейсера. – Утопить бы эту поганую посудину прямо сейчас... Да жаль, приказа такого нет.

– Они просто мускулами играют, – Даргель поднялся и задвинул под рабочую плоскость стола выдвигное кресло, – нет и в скором времени не предвидится у них надежных средств доставки ядерных зарядов. Запустили ракету, а потом начнут с Западом и Россией торговаться. Мол, мы приостановим свою ядерную программу, а вы нам за это нефть, газ, мазут и продовольствие бесплатно поставляйте.

Илья Георгиевич провел ладонями по лицу, словно снимал этим жестом усталость.

– Все, старпом, задачу свою мы выполнили, – командир прикоснулся к панели, за которой скрывался центральный компьютер. – Все их переговоры записали на жесткие диски. За пару часов работой дешифровщиков в КП нашего Балтфлота месяца на два обеспечили. А теперь домой возвращаться, на базу.

– Если бы домой, – произнес Даргель, – боюсь, нам из Владивостока скоро не выбраться.

Илья Георгиевич скомандовал:

– Убрать сканирующую антенну. Погружение. Глубина тридцать метров. Курс на Владивосток.

Чуть слышно загудели помпы, закачивая забортную воду в балластные цистерны. Еле ощутимо завибрировал под ногами пол, свидетельствуя, что включились ходовые электродвигатели. Кавторанг любовно придержал рукой качнувшийся на переборке небольшой самодельный Андреевский стяг. Педант Даргель никогда не одобрял того, что командир повесил его на центральном посту. Ведь это являлось вопиющим нарушением инструкции, строго предписывающей, чтобы на борту мини-субмарины ничто не говорило о российском происхождении подлодки.

– Знаю-знаю... – покивал, глядя на старпома, командир. – Если придется, положу его к конвертам и к твоим любимым инструкциям в сейф. У него своя система самоуничтожения. Теперь можно и расслабиться. Не желаешь, старпом, выпить по сто грамм?

Даргель тут же напрягся, не сразу поняв, что командир его разыгрывает. А Илья Георгиевич тем временем продолжал:

– Пронести спиртное на подлодку не проблема, особенно командиру. Ну как, Николай, надумал? До базы протрезвешь. А ребята у нас надежные, никому не скажут. Если только сам рапорт на себя не напишешь.

– Я бы предпочел, товарищ командир, чтобы во время похода вы ко мне обращались официально, – с металлическими нотками в голосе отозвался Даргель.

– Да ладно, товарищ капитан третьего ранга, пошутил я. А вот когда сойдем на берег, советую вам все же немного принять на грудь. Мозги, знаете ли, от этого просветляются. Напряжение уходит, и люди добрее кажутся. По личному опыту знаю.

Штурман и офицер за пультом управления оружием старательно прятали улыбки, ведь Даргель даже на берегу не позволял себе панибратства с членами экипажа. Сколько ни угова-

ривал его командир, что стоит как-нибудь во время передышки между походами выбраться с другими офицерами в лес, посидеть у костерка, старпом ни разу на это не согласился.

Глава 3

В России, чьи берега омываются тремя океанами: Тихим, Северным Ледовитым и Атлантическим – если считать таковым моря Балтийское и Черное, множество гиблых мест. И не только современные военно-морские базы можно отыскать на побережьях. А сколько их, когда-то оживленных, грозных, пришло в упадок. Если в европейской части Российской Федерации еще царит кое-какой порядок, то на северном и восточном направлениях когда-то мощные форпосты СССР по большей части заброшены и являются страшной головной болью для командующих флотами и местных властей.

Даже несмотря на последние финансовые вливания в армию и военно-морские силы, близкого прогресса в этом вопросе не предвидится. Худо-бедно сходят со стапелей российских верфей единичные крейсера, ядерные «бомбовозы», а вот чтобы достичь разгрести завалы времен холодной войны и былого господства Советского Союза на морском пространстве, такого еще ждать и ждать.

В памяти старшего поколения еще живы почерпнутые из газет и телевизионных репортажей программы «Время» победоносные сообщения о спуске на воду в приморском городе «Н» очередного атомохода. Подобные события окружались ореолом секретности, никто из журналистов никогда не сообщал реальные названия городов, в лучшем случае звучало, что такой-то флот пополнился еще одним грозным боевым кораблем. Мол, трепещите, недоброжелатели и враги!

Вот и поныне живет в простом народе уверенность, что на морских просторах России нет равных в мире. Но дело в том, что всякая техника, даже самая современная, имеет свойство вырабатывать свой ресурс. С ней картина такая же, как и с человеческим организмом. Никому не дано жить вечно. Атомные подводные лодки производства семидесятых, восьмидесятых годов прошлого века уже давно пришли в негодность. Металл корпусов обычных военных кораблей еще худо-бедно можно разрезать автогеном и отправить в переплавку или же целиком продать корабль по цене металлолома соседям, типа Китая или Индии. А вот с атомным реактором картина другая. Выработав свой ресурс, он превращается в «грязную» ядерную бомбу замедленного действия. Гражданские ядерщики с самого начала атомной эры создали действенные службы по захоронению ядерных отходов, частей отработавших свое реакторов. А вот спешка военных сослужила стране плохую службу. Желание оказаться впереди других ядерных держав по количеству вооружений, погоня за количеством военных атомоходов привели к тому, что никто толком не позаботился об утилизации отслуживших свое кораблей. Не были вовремя построены могильники радиоактивных отходов, конструкторы не разработали практичной технологии извлечения ядерных реакторов из подлодок. Короче, как всегда, понадеялись на вечное русское «авось».

Одно из таких гиблых мест – некогда знаменитая Совгавань под Владивостоком, где в советские времена базировались атомоходы-ракетоносцы, несшие дежурство у западных берегов Соединенных Штатов и в Индийском океане. Еще несколько десятков лет тому назад здесь всюду звучали духовые оркестры, провожавшие атомные субмарины в дальние походы. Во Владивосток приезжали девушки со всего Советского Союза с заветной мыслью выйти замуж за офицера подплава, потому как зарплаты у них были о-го-го! Куда там нищему штатскому столичному инженеру! Существовал даже своеобразный бизнес – «снять» на берегу во время отпуска военно-морского офицера, забеременеть от него, а потом подать на алименты. И восемнадцать лет живи себе припеваючи.

Но все эти красоты и страсти к двадцать первому веку остались в прошлом. Теперешняя Совгавань – мрачное место даже в самые солнечные и погожие дни. Конечно, и здесь протекает жизнь, изредка приходят из походов и уходят в них субмарины-ракетоносцы. Только

теперь уже без прежней помпы. Попасть сюда на службу для военно-морского офицера подобно ссылке. У заброшенных причалов ржавеют отплававшие свое гигантские субмарины. В их отсеках замерла застоявшаяся гнилая вода, стерлись с бортов номера и гордые названия атомных подлодок. Сквозь разгерметизировавшиеся стыки контуров охлаждения реакторов уходит в мировой океан смертоносная радиация. Если раньше простому человеку было невозможно подобраться к Совгавани, то теперь – пожалуйста, ибо во многих местах сгнили и покосились столбы ограждений, ржавчина съела колючую проволоку.

Местному населению, не в первом поколении живущему за счет обслуживания военно-морской базы, после ее упадка пришлось не сладко – ни престижной работы, ни, как следствие, и денег. Вот и приходится местным дальневосточникам перебиваться случайными заработками. Кто подался в браконьеры, благо, леса здесь еще остались, кто переквалифицировался и стал ловить красную рыбу и добывать икру. Даже дети, глядя на своих родителей, приобщились к сбору «подножного корма». Насобираешь кошелку грибов, ягод, а потом продашь их на улицах Владивостока. Все лучше, чем сидеть без дела.

Так уж повелось, что жители каждого поселка специализируются на чем-нибудь одном: кто промышляет рыбой, кто дичью, кто грибами. Зацепился один из сельчан в большом городе, выбился в люди и обеспечил работой своих родственников и друзей на определенном сегменте рынка. Небольшой приработок, но надежный. Свой своему всегда поможет и вроде бы обманывать не станет. Во всяком случае, в это каждому хочется верить.

Жители небольшого, на полторы тысячи людей, поселка с издевательским для здешних мест названием Счастливый промышляли в сезон сбором ягод лимонника. Дальний Восток в смысле флоры – уникальное место. Только здесь сохранились доледниковые виды растительности, и один из них – лимонник, дальневосточный виноград. Его янтарно-желтые ягоды обладают поистине чудесными качествами. Мало того что лечат от многих болезней, они еще избавляют людей от усталости. Так, охотник, преследующий зверя, может не спать по трое суток – для этого ему достаточно несколько раз в день съесть по пригоршне плодов лимонника. Осенью жители Счастливого отправлялись на заготовки. Дети и взрослые мужчины собирали ягоды, а жены, матери, сестры варили из них варенье, компоты, консервировали, сушили, чтобы потом, продавая понемногу запасы, как-то протянуть год. Даже учителя местной школы смотрели сквозь пальцы на то, что в сезон заготовки ягод половина класса отсутствовала на уроках. Скупали плоды лимонника поселившиеся в поселке лет пять назад китайцы.

Двое четвероклассников, живущих по соседству, – белобрысый Петька и веснушчатый Сашка – выходили из своих домов, как и положено, в школьных костюмчиках, светлых рубашках, с ранцами за плечами. Их родители были уверены, что дети отправились в школу.

– Слушай, а твоя ничего не заметила? – как заговорщик, шепотом поинтересовался Петька.

– Мама мне с собой еще бутербродов с колбасой дала, целых два. Сказала, на большой перемене съешь! – сказал Сашка, обернулся и помахал рукой молодой матери, стоявшей возле калитки.

– С колбасой – это хорошо, – по-деловому оценил «ссобойку» Сашка, – а мою так просто не обманешь. Мне ей пообещать пришлось и поклясться, что больше школу прогуливать не буду. Она у меня строгая.

Мальчишки дошли до ближайшего поворота, до школы оставалось еще пять домов.

– Не передумал?

– Да я же тебе «зуб пацана» дал. Если по десять килограммов припрем, поднимемся.

Веркин старший брат говорил, что китаезы за десять килограммов по три сотни платят.

– Так это ему, он же взрослый. А нам?

– Ну он сдаст и с нами поделится. Много себе не возьмет.

– Пошли, – Сашка пригнулся и заспешил узким проходом между заборами, которым гоняли коз на заливной луг.

Петька нырнул следом.

Мальчишки пробежали открытую местность так, словно за ними гнались собаки. Тяжело дыша, остановились лишь на берегу речушки за кустами.

– Никто не видел? – Петька присел на корточки.

– Вроде нет. – Сашка посмотрел на свои влажные парадные ботинки. – Все ноги промочил. Mamka поймет, что не за партой сидел.

– Не бойсь, мы рано вернемся. Скинешь шузы, мятыми газетами напихаешь, бумага через час всю влагу, как насос высосет. Всегда так делаю, проходит.

– А у тебя с собой газеты есть? Прихватил? Или только советовать горазд?

– Ну... тетрадку порвем, тоже сойдет.

Петька и Сашка вытащили по два вместительных пластиковых пакета, сумку «челночника», портфели спрятали в кустах, забросали их сорванными лопухами и по узкому бревну переправились через звучно журчащую чистейшую речушку на другой берег. Сразу же за невысоким обрывом начинался лес.

Прогульщики ловко вскарабкались на размытый осенними дождями откос, даже умудрились не особо запачкаться. Петька стоял и оттирал мелкий песок с колена школьных брюк. Двинулись вглубь.

– Я знаю, где его много.

Петька ориентировался по одному ему известным приметам. Он то задирает голову к небу, то разводил руки в стороны и сводил их перед носом. Вскоре низкорослый кустарник остался позади, Сашка осматривал ссадины на руках.

– И что я мамке скажу?

– Не кашляй – прорвемся.

Впереди уже виднелись мощные стволы елей, увитые лозой лимонника. Крупные ягоды просвечивали на солнце.

– Ух ты, – обрадовался Петька.

– Их еще собрать надо, – отозвался более рассудительный Сашка.

Мальчишки бежали на манящий свет полупрозрачных светлых ягод. Под ногами шелестели, разлетались желтые, красные, пурпурные листья. Зрелище завораживало. Толстые стволы, уходящие в небо. В вышине покачивались, словно манили подняться к облакам, широкие еловые лапы. В воздухе пахло прелой листвой, хвоей и тонким, похожим на запах духов ароматом лимонника. Однако тут собирателей и ждало разочарование.

– Кто-то до нас постарался, – мрачно произнес Петька.

– Ну и сволочи.

Все ягоды на высоте метров трех были уже сорваны, а тех, что заманчиво светились выше, было не достать без лестницы. Мальчишки попробовали было подсаживать друг друга, но ничего путного из этого не получилось: в результате пара подвявших гроздей. Затем пришло новое решение – тянуть за лозу снизу, чтобы верхняя ее часть с ягодами оказалась на земле. Но и тут ничего не вышло. Лоза ломалась, и урожай издевательски продолжал манить собирателей на недостижимой высоте. От затеи отказались, когда у Сашки лопнул на спине по шву пиджак.

– Я знаю, где надо искать, – Петька насупил брови.

– Ты уже один раз знал, где, – скривился в ехидной улыбке Сашка и заглянул на дно пластикового мешка, где покоился лишь десяток непрезентабельных ягод. – И за прогулянные уроки от родителей огребем, и денег не заработаем.

– Совгавань, – как волшебное заклинание, с хриплым придыханием произнес Петька.

– Умный очень. Там охрана и радиация.

– Кто тебе сказал?

- Все говорят.
- Вот и врут, чтобы ты туда не ходил. Лохов разводят. Нет там никакой охраны.
- А радиация?
- Ты, что ли, эти ягоды есть будешь? Китайцам продадим и с концами.
- Да нет, точно тебе говорю: на прошлой неделе туда состав пригнали. Большая такая платформа, двойная, все брезентом завешено, и охрана с автоматами. А по нашей ветке уже год как поезда не ходили. Новое оружие испытывать привезли. К старому сухому доку подогнали состав и все оцепили. Ночью разгружали.
- Сам видел?
- Сосед рассказывал.
- Дядя Витя, что ли?
- Он самый.
- Он в прошлом году рассказывал, что доисторическое чудовище в Якорной бухте видел. Ему с пьяных глаз чего не примерещится.
- Уговорил. Больше и податься-то некуда.
- Мальчишки ударили по рукам.
- Сбиться с дороги к Совгавани было невозможно. Иди себе по шпалам на крики морских птиц, на вздохи волн, на свежий морской ветер – не ошибешься.
- Точно, проходил состав.
- Между шпал виднелись примятые стебли, ржавчина на рельсах местами стерлась, впереди уже маячили ворота из досок и колючей проволоки.
- Туда не пойдем. Через горку двинем.
- Мальчишки пробрались вдоль ограды из «колючки». Дырка в ней нашлась быстро. И они побежали по склону. До моря было совсем близко. Уже ощущался свежий соленый ветер.
- Я же говорил. – Петька показал на увитые лимонником стволы молодых елей.
- Собирать ягоды можно было, даже сидя на корточках. Мешки понемногу наполнялись. Мальчишки позабыли обо всем на свете. Кроме, естественно, денег, которые можно было выручить за лесные дары. А потому и потеряли бдительность. За спинами у них послышались размеренные шаги. Прогульщики школьных уроков испуганно оглянулись. На пригорке в косых лучах солнца стояли двое военных моряков с автоматами за плечами.
- Пацаны, а ну мигом брысь отсюда, – безо всякой злобы сказал один из них.
- Собиратели переглянулись, бросать «золотую жилу» было обидно.
- Дяденьки, да мы тут... только ягоды собираем.
- Брысь! – как на бродячих котов, прикрикнул моряк в черном бушлате. – Если сейчас же не свалите, в часть отведем.
- Родителям сообщим. Почему не в школе?
- Мальчишки напоследок сорвали еще по одной грозди.
- Я что сказал? – прозвучал уже грозный окрик.
- Не надо родителям... – договорить Петька не успел.
- Со стороны моря донесся странный нарастающий гул. Все дружно вскинули головы. Отсюда с горки просматривался и горизонт. Из-за легких облаков, чертя на небосводе неровный дымный след, приближалось что-то огненное и грохочущее. Дымная дуга клонилась к земле.
- Твою мать... – вырвалось у одного из военных моряков. – Это что за хрень?
- Кажись, ракета, – как-то буднично отозвался его напарник.
- Учения? – выдохнул Петька.
- Гул сделался таким громким, что слова потонули в нем. Огненным джином из сказки пронеслась ракета, как казалось, над самыми головами.
- Ложись!

Моряк в бушлате бросился на траву, прикрыл собой мальчишек. Громыкнул взрыв. Пламя огненным кулаком ударило в небо. Было видно, как разлетаются пылающие обломки.

– Ни хрена себе, – выдавил матрос, поднимаясь с травы.

Мальчишки во все глаза смотрели на него, но скоро стало понятно, что и военный понимает в происходящем не больше, чем они.

– По домам! – рявкнул автоматчик. – Сейчас тут такое начнется.

Петька с Сашкой похватали еще не наполненные мешки и сломя голову побежали прочь. Спорить больше не хотелось.

– В километре-полутора от нас упало, – глядя на поднимающийся дым, произнес моряк.

Не прошло и часа, как местность ожила. Мальчишки, так и не добежав до поселка, словно заправские разведчики, залегли в придорожных кустах. По асфальту, один за другим, катили военные тентованные грузовики. Обгоняя колонну, пронеслись черная «Волга», оцетинившаяся антеннами спецсвязи, и два командирских «УАЗа».

– А я думаю, это никакие не учения, – с видом знатока произнес Петька.

– А что тогда?

– Опять корейцы ракеты пускают. В прошлом году тоже кутерьма поднялась. Тогда в воду упала.

Местность на удалении трех километров от места падения неизвестного предмета была оперативно оцеплена. Кроме военных к проведению поисков и расследованию инцидента подключилась и ФСБ. К вечеру большинство фрагментов учебной ракеты уже было собрано и отвезено в Совгавань. И подтвердилось то, что, в общем-то, было понятно с самого начала даже ребенку. Неподалеку от причалов, где стояли на приколе списанные атомные подводные лодки с неразгруженными реакторами, упала учебная северокорейская ракета средней дальности «Тэпходон-2».

То, что пронесло и на этот раз, являлось слабым утешением. Никто не мог дать гарантии, что при следующем пуске ракета не угодит прямо в кладбище атомоходов. Даже катастрофа на Чернобыльской атомной станции померкла бы по сравнению с перспективой такого попадания. Никаких объяснений и официальных извинений с северокорейской стороны не последовало, словно так и планировалось. Мол, что возьмешь с нас? Русские сами не хотят делиться с Пхеньяном секретами создания ракетных средств доставки ядерных зарядов, не продают систему наведения. Вот и летают северокорейские «Тэпходоны» как и куда им понравится. На то они и испытания, чтобы выявлять недостатки конструкции и потом устранять их.

Власти старались не предавать случившееся широкой огласке. Но шило в мешке не утаишь. Местные жители проклинали близкое соседство с Северной Кореей и удивлялись бездействию Москвы, ведь новость, которая на всех западных телеканалах пошла первым сюжетом, на центральных российских каналах промелькнула в середине – где-то между освещением очередного визита президента в глубинку и новостями культуры. Дикторы сообщали о досадном недоразумении. Мол, во время северокорейских испытаний учебный «Тэпходон-2» немного отклонился от курса и вместо того, чтобы упасть в свободном от судоходства квадрате, угодил на российскую практически не заселенную в этом квадрате территорию. И чуть ли не с успокоительными улыбками тут же добавляли, что при этом никто не пострадал. Как водится у нас и о чем еще пел знаменитый Леонид Утесов: «...все хорошо, прекрасная маркиза...»

Глава 4

Коммунистическая Северная Корея, наверное, самая закрытая страна мира. Даже на улицах столицы, Пхеньяна, сложно встретить туристов. Если и попадетсся «лицо европейской национальности», то он при ближайшем рассмотрении окажется сотрудником посольства или же торгового представительства. Лишь какой-то десяток лет тому назад на улицах Пхеньяна были установлены первые светофоры, до этого их заменяли красавицы-регулирующие, в чьи обязанности входило не столько разводить транспортные потоки, сколько белозубо улыбаться и козырять проезжающему начальству. И в самом деле, зачем светофоры, если на машинах ездит только самая верхушка партийного руководства? О коммерческой рекламе особо говорить не приходится. Лишь в последние год-два в столице установили три бигборда с рекламой первого отечественного легкового автомобиля. Все же остальное, что отлито в бронзе, светится древними неоновыми трубками, полощется на кумачовых растяжках, исключительно политическая пропаганда.

По-прежнему в центре Пхеньяна высится гигантская скульптура «вечно живого» руководителя первого на земле Кореи социалистического государства. Именно так – вечно живого, хоть Ким Ир Сен и умер, но официально в соответствии с северокорейскими законами продолжает руководить государством. А теперешним наместником небожителя на земле является его сын Ким Чен Ир, родившийся от славянки и получивший вполне официальный титул «любимый руководитель». Во всяком случае, иначе его в прессе называть запрещено, чревато расстрелом или концлагерем. Все скульптуры Ким Ир Сена, установленные в стране, сияют начищенной бронзой не хуже пряжки армейского новобранца, хотя по идее должны были бы давно покрыться патиной. Объяснение такому чуду следующее – скульптуры драят по ночам солдаты, доводя до зеркального блеска.

И вместе с тем, если верить режиму, северные корейцы самые счастливые люди в мире. Не беда, что практически ничего в стране невозможно купить за деньги. И продукты, и ширпотреб отпускаются исключительно по карточкам. Если работаешь – получай двести граммов риса на день и будь доволен жизнью. Куриные яйца для рядового северного корейца – недоступный деликатес. Их в закрытых распределителях выдают только партийному руководству и другой номенклатуре. Поэтому не удивляйтесь, если кореец будет вам с гордостью показывать фотографии своей семьи за праздничным столом, где перед каждым из гостей вареное яйцо на подставочке. Это он хвалится достатком.

Взрослому мужчине положено сносить за год две пары носков, и не больше. Если же не уложился в норматив, пиши заявление на имя парторга предприятия. И затем общее собрание, детально обсудив твои трудовые подвиги и заслуги, решит, достоин ты третьей пары или же нет. А пару штанов положено носить два года. Вот и неудивительно, что среднестатистический северный кореец на двадцать сантиметров ниже своего ровесника из Южной Кореи. А от голода в счастливой стране Ким Чен Ира умереть куда проще, чем от ожирения.

Как и у других диктаторских режимов, осуждаемых всем миром, в Северной Корее сделана ставка на собственные силы: «продовольственная», «технологическая», «промышленная», «военная»... безопасности находятся во главе угла. Этими словосочетаниями буквально пестрят газеты. Все это так называемые идеи «чучхе».

Вооруженные силы Северной Кореи в несколько раз превышают армию южных соседей...

Вот такие большие и маленькие подарки коммунистический правитель постоянно делает и делает своим подданным. Но самым большим подарком конца уходящего и начала нынешнего века явилось создание собственной ядерной программы. После пуска «Тэпходона-2» с крейсера в Японском море все средства массовой информации Северной Кореи, от радиоточки до внутреннего Интернета, взхлеб повествовали об исключительно удачно проведенном учеб-

ном пуске. Никто из них и словом не обмолвился о том, что ракета отклонилась от курса и рухнула под Владивостоком.

Свой народ можно обманывать сколько угодно, особенно если надежно преградить ему путь к альтернативным источникам информации. Но если занимаешься чем-то серьезно, то всегда будет существовать круг лиц, которым положено знать правду. Ведь как иначе исправить допущенные ошибки?

С наступлением темноты улицы Пхеньяна практически вымирают, особенно вблизи от партийных и правительственных зданий. Не у каждого найдется убедительный ответ на вопрос милиционера: «А что вы делаете в такое время возле Центрального Комитета Трудовой партии Кореи?»

Фраза типа «Просто погулять вышел», вряд ли удовлетворит бдительного стража порядка.

Этим поздним вечером в одном из многочисленных корпусов здания ЦК в Пхеньяне светился целый этаж «бессонных» окон. Там располагался отдел, курирующий научные разработки, в том числе и ядерную программу Северной Кореи.

В просторном зале, посередине которого стоял гигантский овальный стол, ярко горели, отливали подвесками из хрусталя бронзовые люстры, сравнимые размерами разве что с люстрами станций Московского метрополитена. На самом видном месте красовался в скромной дубовой раме портрет Ким Ир Сена. Солнцеподобный лик «вечного руководителя», казалось, излучал неиссякаемый оптимизм и веру в светлое будущее своего народа. Пожилой, начинающий седеть кореец в полувоенном френче восседал во главе стола – обрюзгшее лицо начальника отдела науки ЦК товарища Ким Пака свидетельствовало о его тайном пристрастии к крепкой рисовой водке. Рядом с ним расположился с пачкой англоязычных журналов молодежавый референт. Времени он даром терять не любил, листал страницы, бегло просматривал статьи, даже подчеркивал нужные абзацы. Пальцы не слюнявил и, когда глянцева бумага не желала перелистываться, просто дышал на подушечки, увлажняя их. Умные живые глаза прикрывали полутемные очки с небольшими диоптриями.

Участники совещания, посвященного учебному пуску «Тэпходона-2», все еще прибывали. То и дело за окном вспыхивали габаритные огоньки легковых машин перед въездом на охраняемую территорию.

Начальник отдела ЦК Трудовой партии товарищ Ким Пак посмотрел на часы – до назначенного времени оставалось еще около четверти часа. Сомневаться, что все придут вовремя, не приходилось. Повестка дня являлась настолько важной, что даже минутное опоздание можно было бы рассматривать как злостный саботаж со всеми вытекающими для опоздавшего последствиями.

– Разрешите, товарищ референт? – рука начальника отдела потянулась к пачке иностранных журналов.

– Пожалуйста, уважаемый товарищ Ким Пак, – референт веером раздвинул глянцевые издания и даже не позволил себе улыбнуться, ведь руководитель отдела ТПК не владел ни одним иностранным языком.

Пухлые короткие пальцы Ким Пака перебирали журналы, наконец остановились на издании «Корея» на русском языке. Все-таки публично просматривать иностранный журнал было бы политически недальновидно. А в отечественном издании, выпущенном для заграничного потребления, могло попасться что-нибудь если не крамольное, то интересное. Начальник взял в руки журнал, с важным видом осмотрел присутствующих, сосчитал еще не занятые кресла, водрузил очки на нос и тут же похолодел. Неписанным законом для журналистов было печатать в журналах, особенно на обложках, только счастливые, улыбающиеся лица сограждан-современников, ну, в крайнем случае, героические, если речь велась о трудовых подвигах. А тут с обложки русскоязычного журнала, рассказывающего иностранцам о счастливой жизни в рай-

ской стране, на высокопоставленного партийного функционера смотрели заплаканные, сморщенные от слез, как сухофрукты, корейские дети в школьной форме.

Подобное явно отдавало политической провокацией, саботажем, инакомыслием, что грозило трибуналом и лагерем трудового перевоспитания, а то и расстрелом. Товарищ Ким Пак справился с собой – партийная закалка не дала ему измениться в лице, усомниться в родной журналистике. Сколько он ни всматривался в броские русские слова под фотографией, комментирующие снимок, ничего понять не смог. Полистал журнал. Нет, на других страницах все было как положено. Обильно дымящие трубы предприятий, искрящийся расплавленный металл разливался в формы. Высотные жилые дома в столице, начищенные до блеска памятники, портреты руководства, улыбающиеся рабочие и крестьяне.

– Извините, товарищ референт, – ничего не выражающим голосом произнес начальник отдела, – не могли бы вы перевести подпись? – И он подал злосчастный журнал обложкой вверх.

Референт бросил взгляд на подпись, набранную двухсантиметровыми буквами и, не задумываясь, сказал:

– Уважаемый товарищ Ким Пак, дословно перевести трудно, но смысл таков. Тут написано: «Корейские школьники плачут от счастья при виде любимого руководителя товарища Ким Чен Ира».

У начальника отлегло от сердца. Мир остался на прежнем месте. И тут же появилась черная зависть к коллеге – заведующему отделом пропаганды ЦК ТПК: его подчиненные умели показать высший пилотаж в своем деле. А вот с научными и техническими разработками явно не ладилось. Иначе сегодня вечером не собрались бы на позднее совещание по разбору полетов «Тэпходона-2», а пришли бы завтра на торжественное заседание ЦК под предводительством любимого руководителя.

В зал торопливо зашел подтянутый сухощавый мужчина неопределенного возраста, одетый в штатский костюм, он коротко кивнул присутствующим и сел поближе к двери. Человек держался особняком, ведь в обязанности всемогущих спецслужб тоже входил контроль за ракетно-ядерной программой Северной Кореи. Спецслужбист являлся как бы зеркальным отражением Ким Пака. Последний должен был старательно делать вид, что программа развивается успешно, а его антипод – выискивать недостатки и тут же сигнализировать о них. Мелодично зазвенели напольные часы в углу зала для совещаний. Товарищ Ким Пак вернул глянцевого журнала в стопку, осмотрел собравшихся. Отливало золотое шитье на армейских и флотских мундирах, скромно синели полувоенные френчи ученых – ракетчиков и атомщиков, белели рубашки дипломатов...

Начальник отдела науки откатился в кресле, ухватился короткими пальцами за край стола и поднялся во весь свой полутораметровый рост.

– Итак, начнем, дорогие товарищи...

После ритуальных фраз о том, какое большое внимание уделяет любимый руководитель оборонной программе, о том, что на нее уходят огромные народные средства, товарищ Ким Пак наконец перешел к делу.

– ...по отдельным параметрам можно считать первый пуск «Тэпходона-2», произведенный с палубы корабля, успешным. К военным морякам претензий нет. Наземные службы и службы ракетонесущего крейсера справились со своей задачей, – начальник отдела выдержал небольшую паузу. Обычно так поступают ораторы, ожидая аплодисментов.

Но повестка дня и статус собравшихся не позволяли хлопать в ладоши, а потому Ким Пак продолжил:

– Как известно, ракета-носитель в середине полета отклонилась от заданного курса. И надо сказать честно: практически она стала неуправляемой. И, вместо того чтобы поразить учебную цель в заданном квадрате Японского моря, рухнула неподалеку от Владивостока на территории Российской Федерации.

Глаза докладчика не выражали никаких эмоций. Голос звучал ровно. Этого требовали и партийная выучка, и восточные национальные традиции.

– Какие есть мнения?

Один из представителей Министерства иностранных дел шумно вздохнул и встал из-за стола.

– По дипломатическим каналам от российского МИДа не было сделано никаких заявлений в связи с инцидентом, – он чуть заметно улыбнулся, – как и в прошлый раз, когда во время наземного запуска наш «Тэпходон» упал в территориальных водах России. – Улыбка обозначилась уже вполне явно. – Уверен, что и на этот раз, и в будущем русские не станут протестовать.

Дипломат сел.

– Что скажут военные? – товарищ Ким Пак прошелся взглядом по ряду армейских и флотских чинов.

Грузный генерал скрипнул креслом и произнес:

– Русская сторона была предупреждена нами об учебном пуске.

– Я понял вашу позицию, – Ким Пак вскинул руку, – она не изменилась со времени прошлых испытаний. У нас с русскими много разногласий, но зато у нас общие враги: США, Япония и весь Запад в целом. Так что нежелательных последствий инцидента не предвидится.

Военные и флотские, соглашаясь, закивали, мол, так будет продолжаться еще долго. Высокопоставленный представитель спецслужб позволил себе реплику с места:

– Даже если наша ракета упадет на жилые кварталы Владивостока, они и это стерпят.

Товарищ Ким Пак не стал развивать высказанную мысль, он и сам придерживался такого же мнения.

– Это слабое утешение, – произнес он. – Конечно, всякие испытания предусматривают определенный процент неудач, но мы не можем позволить себе, чтобы неудачи следовали одна за другой. А между тем научные коллективы, группы инженеров обеспечиваются по высшим нормам продовольствием и товарами широкого потребления. Программа поглощает массу народных средств. Наш любимый руководитель учит: «Бережливость – черта коммунистическая». Следующие испытания должны стать успешными, – сказал он с гордо вскинутой головой. – Товарищам ученым есть что сказать? Но слушать голословные оправдания я не намерен. Только конкретные предложения.

Желающих рискнуть собственной карьерой, а возможно, и головой не находилось. Синие френчи сидели, опустив глаза. И тут неожиданно для всех попросил слова молодой референт, сидевший рядом с начальником отдела ЦК.

– Трудности бывают преодолеваемыми и непреодолеваемыми. Согласитесь: человек даже при всем желании не может превратиться в собаку, и за это нельзя его винить...

Неожиданное начало заставило некоторых из собравшихся за овальным столом улыбнуться, большинство же насторожилось.

– Благодаря мудрому руководству и гению нашего народа исключительно собственными силами был создан и успешно испытан ядерный заряд...

Вроде бы выступление входило в привычные для КНДР рамки официальной беседы.

– ...неужели мы можем предположить, что среди передового отряда наших ученых и технической интеллигенции, работающего над созданием средств доставки – ракет-носителей «Тэпходон-2», появились саботажники и предатели? Конечно же, нет. Они не хуже и не лучше ученых-ядерщиков. Давайте будем откровенными. Наша электронная промышленность отстала от передовых стран, – референт звучно похлопал ладонью по стопке западных научных журналов. – Мы сумели скопировать и улучшить конструкцию советской ракеты средней дальности «Скад», создать на ее основе более совершенный носитель «Тэпходон-2», но... – референт с печальным видом развел руками, – ни Советский Союз, ни теперь Россия не стали делиться с нами разработками в создании средств наведения.

В зале одобрительно загудели, ответственность переключалась с разработчиков на внешнее враждебное окружение.

– ...однако это не повод опускать руки. Если пропасть невозможно преодолеть прыжком, не стоит делать попытку преодолеть ее двумя прыжками. Надо обратиться за помощью к тем, кто уже находится на другой ее стороне. Конечно же, никто безвозмездно не станет делиться с нами технологическими секретами. Но не будем забывать, что мы продвинулись в создании ядерного оружия. Есть страны, которые не боятся вызвать недовольство мировых жандармов – в особенности США. Это те государства, которые, как и мы, неустанно пекутся о своей военной безопасности. Например, Иран.

Когда прозвучало название этой страны, лица дипломатов сами собой просветлели.

– Ему удалось создать надежное средство доставки. Его ракеты средней дальности способны достигать территории Израиля и точно поражать цели. Но у них нет главного – под давлением Запада президент Махмуд Ахмадинежад то и дело вынужден обещать МАГАТЭ свернуть производство «тяжелой воды» в Исфахане. Почему бы нам не сотрудничать? Да и любимый руководитель Ким Чен Ир учит, что абсолютно любое государство имеет право на абсолютно любое атомное оружие. И ни о каком нераспространении атомного оружия, как утверждают Конвенция 1964 года и Международная конвенция о запрещении ядерных испытаний, речи вестись не может.

Начальник отдела Ким Пак с одобрением кивнул своему референту:

– Я помню вашу докладную записку, поданную на мое имя. – Он глянул на представителя МИДа. – Вы получили ответ на предварительный запрос?

– Мы связались с Тегераном, предварительный результат переговоров положительный, – прозвучала в ответ реплика. – Теперь дело за военными и спецслужбами.

Подтянутый кореец в штатском, сидевший в стороне от других, улыбнулся с легким превосходством и обменялся взглядом с референтом, после чего произнес:

– Спасибо, вы озвучили то, что собирался сказать и я. Я внимательно ознакомился с вашей докладной запиской, поданной на имя уважаемого товарища Ким Пака. Переговоры с иранской стороной почти окончены. Остались только технические сложности обмена необходимой информацией и технологиями...

Второй раз за этот день у начальника отдела науки ЦК компартии КНДР похолодело внутри. Теперь он уже другим взглядом смотрел на своего молодого образованного референта. Тот сумел сработать «через его голову», нарушил партийную иерархию, но сделал это так, что теперь его было не в чем упрекнуть. Товарищу Ким Паку оставалось лишь одно – делать вид, будто референт действовал с его согласия и одобрения. Что-то, а толк в партийных интригах он знал.

Ким Пак торжественно поднялся, протянул руку референту.

– Конечно, вы немного поспешили, озвучив мнение руководства нашего отдела, – «руководство» прозвучало так, что ни у кого не оставалось сомнений: речь идет о самом Ким Паке, – я рад, что вы не перестраховщик. Новое поколение. Наша смена. Благодарю вас, товарищ Ир Нам Гунь.

Начальник отдела протянул руку референту. Тот ее крепко пожал. Моложавый Ир Нам Гунь сыграл ва-банк и сорвал куш. Впервые начальник публично назвал его, да еще в присутствии руководящих работников, не просто товарищем референтом, а по имени и фамилии. А это могло означать, что все связанное с переговорами между Ираном и КНДР по поводу ядерной программы пройдет через его руки.

Глава 5

Илья Георгиевич Макаров всегда ценил только первый день отдыха. Именно он приносил радость, позволял расслабиться. На этот счет у командира сверхсекретной мини-субмарины даже имелась собственная теория. Он ее называл феноменом «первой рюмки». А заключалась она в следующем. Садится человек за стол в плохом расположении духа, но в приятной компании. Цель вполне естественна и благородна – поднять настроение. И вот уже холодная водка разлита по рюмкам, произнесен первый тост или же просто фраза: «Ну поехали».

Стекло сошедшихся над столом рюмок отзывается серебряным звоном, спиртное обжигает горло, а затем приятным теплом растекается по телу. Выпивший прислушивается к собственным ощущениям. И действительно, после первой рюмки настроение улучшается, мир кажется более ярким, будто бы вместо тусклой «двадцатипятки» в патрон вкрутили яркую стоваттную лампочку. Настроение «поправлено», вроде бы можно и остановиться. Цель достигнута. Но человеческая природа такова, что всегда хочется большего. «После первой стало лучше. Значит, после второй станет совсем прекрасно» – примерно так рассуждает человек.

И вновь водка разливается по рюмкам. Вновь звучит что-нибудь необязательное, но приятное. И вот теперь начинается странное, но закономерное. После второй – никаких изменений, не лучше и не хуже.

«А если третью?» – мелькает в мыслях искушение.

А вот после третьей уже становится хуже. Если внимательно прислушаться к ощущениям, то уже и пол под ногами чуть заметно покачивается, словно настил подлодки, и язык слегка заплетается...

И чем больше пьешь, тем хуже становится. А поутру вместо поднятого настроения лишь головная боль да сухость во рту...

Вот уже пошла вторая неделя, как капитан второго ранга отдыхал в калининградском Светлогорске – бывшем Раушене, что переводится с немецкого как «шум листвы». После возвращения «Адмирала Макарова» с задания в Японском море мини-субмарину поместили в сухой док в Совгавани, и ей занялась специально прибывшая с Балтфлота команда техников. А экипаж был доставлен спецрейсом в Калининград. Место отдыха вице-адмирал Столетов предоставил на выбор: от Сочи и Подмосковья до Карелии. Илья Георгиевич выбрал санаторий МО в Светлогорске.

Теория «первой рюмки» сработала. Первый день Илья Макаров гулял по променаду, ветер нес с высокого песчаного откоса разноцветные листья, море буквально пенилось от осенних волн, в воздухе пахло прелыми водорослями. Вечером капитан второго ранга посидел в ресторане. Можно было познакомиться с одной из одиноких женщин, пришедших скоротать вечерок, а таких, отдохавших в местных санаториях и домах отдыха, в зале был добрый десяток. Ни к чему не обязывающие знакомство, флирт, а затем и проведенная вместе ночь. Но Илья Георгиевич так и ушел из ресторана в одиночестве. Потому что знал – поутру увидит рядом с собой в постели не вчерашнюю красавицу, а основательно «подержанную» матрону.

А на завтра он уже начал скучать по тесным помещениям субмарины. Не радовал ни просторный номер со всеми удобствами, ни живописный пейзаж. Вот на второй день Илья Георгиевич и позволил себе выпить. На третий ограничился лишь пивом, выпитым вечером. На четвертый пошел ужинать в санаторскую столовую. А к концу недели, чтобы совсем не сойти с ума от безделья, занялся рыбалкой. Родной Балтфлот о нем не вспоминал – тягостно молчал мобильник.

Моросил дождь, волны немного улеглись. Кавторанг в плащ-палатке с удочкой в руках стоял на конце деревянного пирса, выдающегося далеко в море. Вдоль перил примостились такие же рыбаки, как и Илья Георгиевич. Рыбалка стирает социальные отличия. И бизнесмены,

и сантехники выглядят в выцветших рыбацких робах почти одинаково, разве что у первых снасти подороже.

Справа от Макарова терпеливо удил рыбак в потертом оранжевом комбинезоне с остроконечным капюшоном. Илья Георгиевич зябко повел плечами, вытащил из кармана плоскую фляжку с коньяком, сделал глоток и решил сделать доброе дело.

– Мужик, глотнуть хочешь? А то, видать, руки совсем задубели. Хороший коньяк, пятизвездочный, – предложил он, глядя в спину соседа.

Сосед по пирсу, который вот уже полчаса не выпускал удочку из рук, лишь что-то отрицательно, но благодарно пробурчал в ответ и даже не повернулся.

– Ну как хочешь. Мое дело предложить. Надумаешь, сам скажи, – капитан второго ранга старательно завинтил пробку и бережно опустил фляжку на дно глубокого кармана.

Сосед в оранжевом внезапно оживился. Леска на его удочке натянулась, он лихорадочно принялся крутить катушку. В волнах уже мелькала серебристая рыба.

– Да не так быстро подтягивай, – крикнул Макаров, – сорвется же.

Он уже различал в пене небольшую, на две ладони, балтийскую камбалу – глосика. Смотреть на то, как уйдет рыба, Илья Георгиевич не мог. Он бросился помогать:

– Дай я подтяну!

– Пожалуйста, – рыбак в оранжевом обернулся.

И тут Макаров оторопел. В прорехе капюшона он увидел лицо молодой женщины. Несмотря на дождь, макияж был в полном порядке. Кавторанг почувствовал, как дрогнули руки, когда он принимал удище. Непослушными пальцами он принялся подкручивать и отпускать катушку. Женщина, охваченная рыбацким азартом, выглядывала из-за его плеча, без всякой задней мысли прижимаясь к его спине грудью.

– Тяните, тяните.

Наконец глосик был придавлен ладонью к дощатому настилу. Илья Георгиевич аккуратно вытащил крючок.

– Спасибо большое, я бы без вас не справилась, – мягкий грудной голос приятной щекоткой отдался в ушах.

– Да что вы. Конечно, справились бы. Это же несложно. Хотите, я вас научу некоторым рыбацким секретам?

– А вы опытный рыбак?

– Что-то вроде того. Во всяком случае, с морем связан.

Макаров почувствовал, что «клюет», и сильно. В женщине не было ничего вульгарного. А познакомились они не в ресторане, не в транспорте, чего так не любил Илья Георгиевич. Знакомство обещало стать абсолютно случайным.

– Меня зовут Илья Георгиевич, – тихо сказал капитан второго ранга, совсем забыв о глосике.

Рыбина внезапно встрепенулась, запрыгала по доскам. Женщина, так и не успев ответить, принялась ее ловить мокрыми руками.

И тут за спиной командира Макарова послышались тяжелые шаги, словно каменный командор неторопливо шел в гости. Он обернулся. Прямо на променаде в начале пирса виднелась черная «Волга» с тонированными стеклами, а к нему приближался капитан-лейтенант, неся над собой широкий, на двоих, зонтик.

– А меня – Анна Сергеевна, можно просто Анна, – долетели до слуха Макарова слова женщины.

Он не стал ждать, пока к нему подойдут:

– Извините, это за мной.

– Я на отдыхе. Часто тут рыбачу. Так что еще непременно встретимся.

– Обязательно.

Илья Георгиевич свернул удочку и пошел навстречу посыльному. Капитан-лейтенант остановился, козырнул:

– Товарищ капитан второго ранга, вас вызывают в штаб.

Командир «Адмирала Макарова» глянул на свой непрезентабельный рыбацкий «наряд». Капитан-лейтенант понял и взглянул на часы:

– Вице-адмирал назначил встречу через два часа. Так что можете успеть заехать в номер и переодеться. Машина в вашем распоряжении.

Макаров на прощание вскинул руку. Рыбачка улыбнулась в ответ и тоже помахала ладонью.

* * *

Обычно все встречи Макарова и Столетова проходили в Питере в личном кабинете вице-адмирала. Однако на этот раз ехать в Северную столицу командиру «Адмирала Макарова» не пришлось. По счастливой случайности вице-адмирал Столетов находился с рабочим визитом в Калининграде. А от Светлогорска, где проводил отпуск капитан второго ранга, до самого западного города Российской Федерации было рукой подать.

Черная «Волга» с тонированными стеклами доставила Илью Георгиевича прямо к главному входу штаба в Калининграде. Высокое серое здание, возведенное еще при немцах, находилось в самом центре города. Здание давно не реставрировалось и, мягко говоря, выглядело несовременно, зато грозно возвышалось над невысокой городской застройкой, словно напоминало его жителям о некогда могучей и всесильной империи под названием Третий рейх.

Выбравшись из салона, Илья Георгиевич смерил взглядом надколотую в разных местах, словно погрызенную и надкусанную чьими-то зубами, каменную лестницу.

– Такое чувство, что по ней целый день стадо слонов пробегает, притом сюда и обратно...

– Постоянно ремонтируют, но что-то наш бетон к немецкому камню пристаёт плохо, – махнул рукой капитан-лейтенант, – зато машины теперь все новые. А то раньше едешь и трясешься на развалахах. Только и думаешь, чтобы вовремя доехать.

– Ничего... До полного светлого будущего, надеюсь, еще доживем. Удачи! – бросил Илья Макаров и, взбежав по лестнице, скрылся за массивной деревянной дверью.

Новый лифт, вмонтированный в старую шахту, доставил капитана второго ранга на восьмой этаж, а длинный коридор привел к нужной двери.

– Разрешите, товарищ адмирал?

– Проходи, Илья Георгиевич, проходи, – бросил в ответ вице-адмирал Столетов и тут же нажал кнопку на переговорном устройстве: – Два кофе, пожалуйста. – Ты же, капитан второго ранга, кофе пьешь, а не чай?

– От чая только сырость в желудке разводится, товарищ вице-адмирал.

Макаров опустил в глубокое кресло и выжидающе посмотрел на Столетова, копошащегося в бумагах и документах.

– Ты уж извини, что приходится встречать тебя в такой обстановке, сам понимаешь – работа есть работа. Всю жизнь на чемоданах сижу... Кстати, как отпуск?

– Ничего, товарищ вице-адмирал, – ответил Илья Георгиевич.

– Не переживай и не обижайся, – примирительно улыбнулся Столетов, – все оставшиеся дни я добавлю к твоему следующему отпуску.

– Я все понимаю, – кивнул капитан второго ранга. – Хотя, если честно, оно, может, и к лучшему.

– В смысле? – удивился Столетов.

– Понимаете, товарищ адмирал, я такой человек, что без любимого дела жить не могу. Отпуск оно, конечно же, хорошо, но и без службы как-то скучновато.

– Ну раз ты сам о службе заговорил, то давай перейдем к делу.

В кабинет зашел секретарь Столетова и, поставив поднос с чашками кофе, удалился в приемную. Сделав глоток, вице-адмирал выдвинул верхний ящик письменного стола и положил перед собой папку с документами.

– Записанные твоим экипажем разговоры северокорейской obsługi «Тэпходонов-2» уже расшифрованы, переведены и распечатаны, равно как и радиодонесения, и характеристики электромагнитных и прочих излучений, – Столетов похлопал по папке. – Иногда обычные разговоры инженеров и техников на палубе способны прояснить больше, чем килограммы секретных документов.

– Разрешите вопрос, товарищ адмирал? – осторожно спросил Макаров и, получив согласие, продолжил: – Я, конечно, человек военный, но мне кажется, что если откуда-то и исходит угроза нашим восточным рубежам – так это от КНДР.

– Полностью с тобой согласен, Илья. Но мы с тобой не политики и, к сожалению, не можем влиять на решения правительства. По мне, так я бы Северной Корее такую международную обструкцию устроил, что она на всю жизнь забыла бы о своих «Тэпходонах», – вырвалось у Столетова.

– Не ровен час, товарищ адмирал, и следующая их ракета упадет на Владивосток. Вот тогда я посмотрю, что запоют в телекамеры наши чиновники.

– Никогда не относил себя к «ястребам», но то, что происходит сейчас, – форменная оплеуха России... – нахмурил брови Столетов. – Дальше будем терпеть? При первом удобном случае Ким Чен Ир будет шантажировать этим оружием и нас, требуя невозвратных кредитов, дешевой нефти, бесплатного продовольствия и голос в Совбезе ООН. Но не раньше, чем у него появятся надежные средства доставки ядерного заряда. А ведь он давно уже ищет себе союзников среди братьев по разуму...

Адмирал специально выдержал паузу, давая Макарову «пищу для размышлений». Илья Георгиевич кивнул: мол, понимает, что речь идет об Иране и его идейном лидере Махмуде Ахмадинежаде.

– Так вот, Илья, эти самые поиски уже начались и, я думаю, зашли настолько далеко, что нам пора вмешаться в процесс.

– Есть этому подтверждения, товарищ адмирал? – настороженно спросил Илья Георгиевич.

– К сожалению, да, – тяжело вздохнул Столетов. – Согласно агентурным донесениям и наблюдениям российских спутников-шпионов стало известно, что в северокорейском порте Хыннам происходит доводка и капитальная переделка некоего странного научно-исследовательского судна, которое, видимо, вот-вот должно выйти в море. Как сообщает российская агентура на Среднем Востоке, именно с этим судном должна встретиться какая-то загадочная иранская подлодка неподалеку от восточной оконечности Папуа – Новой Гвинеи.

– Неподалеку, товарищ адмирал? – переспросил Макаров.

– Именно.

– Это значит в нейтральных водах. Хм, интересно... – размышляя вслух, произнес Илья Георгиевич. – Я бы предпочел видеть их в наших территориальных водах.

Столетов вскинул брови:

– Это еще зачем?

– Морское право. Любая неопознанная подлодка, обнаруженная в чужих территориальных водах, считается пиратским судном и подлежит немедленному уничтожению.

– Точно. На борту корейского судна должна произойти некая секретная встреча. Кого и с кем – пока непонятно; что во время этой встречи должны передать договаривающиеся стороны друг другу – тоже неясно. Ваша цель – записать все переговоры договаривающихся сторон и через российский спутник передать их в штаб Балтфлота.

– На месте северокорейского руководства я послал бы самолет из Пхеньяна. Это проще, да и быстрее, – поделился своими соображениями Илья Георгиевич.

– Не проще. После последнего испытания «Тэпходона-2» Япония, Россия, Китай и Индия временно закрыли для северокорейских военно-транспортных самолетов свои воздушные пространства, – пояснил адмирал. – Согласно санкциям ООН они теперь обложены как волки красными флажками... К тому же груз, который наверняка будет передан во время встречи, удобней доставить морским путем.

– А почему именно там?

– Потому что не привлечет ничьего внимания: ведь у Папуа – Новой Гвинеи практически нет ни сторожевиков, ни самолетов береговой охраны. Американцы и британцы осуществляют постоянный спутниковый мониторинг северокорейских портов. И уж они нашли бы способ проникнуть на северокорейское судно в районе Персидского залива, сунься оно туда. А вот у берегов Новой Гвинеи флаг на «исследовательском судне» КНДР всегда можно поменять на японский, китайский, тайваньский или какой другой... Да и квадрат, в котором предполагается встреча, относительно равноудален от Северной Кореи и Ирана.

– Когда вылет?

– Завтра утром. Весь экипаж «Адмирала Макарова» уже находится в Калининграде и спецрейсом будет доставлен в Хабаровск. Там вы получите дальнейшие указания. Задача ясна, товарищ капитан второго ранга?

– Так точно! – отчеканил Илья Георгиевич.

– Тогда выполняйте.

В том, что вице-адмирал Столетов не озвучил деталей предстоящей операции, в которой должен был принять участие экипаж мини-субмарины «Адмирал Макаров», не было ничего странного. Как и положено, все необходимые приказы уже находились на борту подлодки. Прибыв на место, Илье Георгиевичу оставалось только вскрыть конверты и приступить к исполнению.

Глава 6

Первая рабочая смена в северокорейском порту Хыннам заканчивалась как обычно. Морской ветер вяло шевелил государственные сине-красные флаги с пятиконечной звездой и кумачовые транспаранты с патриотическими лозунгами, которых было такое количество, что местные жители уже давно перестали их замечать. Они сделались такой же частью пейзажа, как скалистые горы или рисовые поля.

Первая отработавшая смена докеров стройной колонной маршировала из порта в город. Докерам еще предстояли политинформация и часовое общее собрание смены, на котором каждый должен был припомнить не то хорошее, что он сделал для страны, а то, чего мог, но не совершил. Такова система, которую установила Трудовая партия Северной Кореи. Не только каждый взрослый гражданин, но даже школьник должен делать на себя ежедневный публичный донос, за который можно угодить и в концлагерь. Правда, в КНДР их уклончиво принято называть «лагерями трудового перевоспитания».

Счастливая песня неслась над портом и над морем, сливаясь с топотом марширующих. Колонна таких же счастливых докеров второй смены шагала им навстречу.

Казалось бы, сегодняшний день не должен преподнести никаких сюрпризов. Но так уж водится, что рядовые работники из-за режима секретности узнают об ответственных заданиях в последний момент. Как только колонна первой смены покинула территорию порта, а за второй колонной закрылись ворота из проволочной сетки, как тут же обычную охрану порта сменили военные.

Наученные осторожности по принципу «болтун – находка для шпиона», докеры даже не стали обмениваться мнениями, все и так понимали, что этой ночью придется ударно потрудиться на благо Родины. Северная часть порта выглядела непривычно пусто, хотя обычно здесь разгружались у одного причала сразу несколько кораблей. Иностранных судов вообще видно не было. Между двумя высокими пустеющими причалами вплотную к «стенке» жалось небольшое, на пару тысяч тонн водоизмещением, научно-исследовательское судно. На его борту белела надпись, извещавшая, что плавсредство носит гордое название «Слава героям». В условиях КНДР не стоило и уточнять – каких именно героев. Всех их, а также предателей Родины назначала Трудовая партия Северной Кореи. Подходы к судну были надежно перекрыты военными. На рельсах высились два мрачных товарных вагона, рядом с ними сучал грузовик с полуприцепом-фурой.

Референт Ким Пака – Ир Нам Гунь нервно прохаживался по самому краю «стенки». Он смотрел то на начинающее темнеть небо, то на научно-исследовательское судно, то в сторону ворот.

«Ну скорей бы», – руки от волнения у референта подрагивали.

Наконец у сетчатых створок возникло оживление, до слуха референта долетели короткие гортанные команды. Черный «Мерседес» с антеннами спецсвязи плавно вкатил на территорию порта. Ир Нам Гунь глубоко вздохнул, шумно выдохнул, плотно сжатые губы сложились в приветливой улыбке. Поблескивающая лаком легковая машина без лишних проблем миновала оцепление и остановилась возле товарных вагонов. Высокопоставленный сотрудник спецслужб КНДР не стал дожидаться, пока шофер откроет дверцу. Показная демократичность поведения в среде чиновников входила в Северной Кореи в моду.

– Здравствуйте, уважаемый товарищ, – сухо прозвучало приветствие.

– У нас все готово, – доложил референт.

Последовал короткий обмен рукопожатиями. Рука спецслужбиста была холодной и безжизненной, как дохлая рыба. Капитан научно-исследовательского судна уже спешил по сходням на берег.

– Хочу еще раз напомнить вам о великой чести и ответственности, – спецслужбист поднял глаза к небу, – наш любимый руководитель Ким Чен Ир лично интересуется тем, что сегодня происходит в порту.

Это было сказано так, словно диктатор являлся всевидящим богом, способным одновременно присутствовать в разных точках пространства. Ир Нам Гунь, соглашаясь, кивнул:

– Я счастлив, что могу послужить своей Родине и ее героической Трудовой партии.

– К делу.

Спецслужбист зашагал к вагонам. Раздвижную дверь надежно берегли не только тяжелый замок, но и свинцовая пломба. Маленькие кусачки перекусили проволоку. Капитан судна сдвинул тяжелую дверь и осветил внутрь фонариком. Серебристые ящики стояли всего лишь в один ряд. Ир Нам Гунь подал список, на котором синела пара печатей и виднелось несколько росписей. Представитель спецслужб, беззвучно шевеля губами, считал ящики.

– Сходится.

– А как же иначе? – вставил референт.

– Бдительность и еще раз бдительность.

Перешли к другому вагону. И здесь «цифра била». В списке не указывалось, что именно находится в каждом из ящиков, были проставлены только их номера и вес.

– А это тот самый новый груз, о котором вы заявили позавчера? – темные невыразительные глаза тщательно изучали лицо референта.

– Без них иранская сторона будет вынуждена потратить более года на биологические исследования. Это требование иранцев.

– Не люблю сюрпризов.

Капитан терпеливо ждал в стороне. Еще около четверти часа ушло на сверку номеров, проставленных на ящиках и в списках. Наконец представитель спецслужб дал «добро» на погрузку. Военные расступились, давая дорогу докерам.

Всякие работы приходилось им выполнять в порту, разные они разгружали грузы. Докера трудно удивить. Нередко доводилось носить и западные товары, но то, что сегодня приходилось загружать в трюм научно-исследовательского корабля «Слава героям», выглядело странно. Серебристые герметически закрытые ящики, наверняка противоударное исполнение. Никакой маркировки, кроме номеров. Ир Нам Гунь стоял у трапа и собственноручно подносил к каждому из ящиков счетчик Гейгера, ведь во время транспортировки в порт контейнеров с радиоактивными материалами могла произойти разгерметизация.

О том, что именно грузят на корабль и куда он направляется, было известно лишь троим: референту, капитану и представителю всемогущих спецслужб. Из Северной Кореи вывозилась часть того, над чем последние десятилетия бились местные атомщики, создававшие ядерное оружие. Обогащенный плутоний, другие радиоактивные материалы, документация по технологическим процессам, модели агрегатов... Короче, все то, чего не хватало иранским создателям ядерного оружия.

Спецслужбист делал отметки в блокноте, ставил одному ему понятные значки. Грузчикам, транспортировавшим ящики на борт научно-исследовательского судна, Ир Нам Гунь неизменно напоминал: «Осторожнее». Внезапно он остановил погрузку.

– Я должен проверить, как размещен груз в трюме.

Референт с фонариком в руке заспешил по сходням, его сопровождал капитан.

– Не беспокойтесь, уважаемый товарищ. У меня команда опытная...

– Я понимаю, ваши люди озабочены лишь одним, чтобы грамотно распределить груз с точки зрения центровки судна. Но есть задача куда более важная – доставить его к месту назначения неповрежденным!

– Существуют правила, определяющие размещение груза в трюме.

– Это особый груз, не забывайте об ответственности.

Ир Нам Гунь сбежал по гулкой металлической лестнице в трюм, резко остановился и обернулся. Его глаза показались капитану двумя маленькими остренькими гвоздиками, которые будто вонзились ему в мозг.

– Любимый руководитель лично и Трудовая партия доверили нам исполнение задания чрезвычайной государственной важности, и каждый из нас отвечает за свой участок. Я же не собираюсь учить вас азам судовождения.

Против такой аргументации трудно было что-либо возразить.

– Я понимаю всю ответственность, – упавшим голосом сообщил капитан.

И хоть в трюме было довольно светло, Ир Нам Гунь ползал по закуткам с фонариком в руке.

– Здесь у вас слишком влажно... а здесь – спертый воздух. Тут невозможно дышать. Все живое тут погибнет буквально через день.

– Кажется, я понимаю, о чем идет речь... – капитану хотелось добавить, что он догадался: референту ЦК нужно место для размещения контейнера с лабораторными животными.

Однако высказывать свою догадку вслух он не рискнул. Если связан с секретной операцией, лучше делать вид, будто понимаешь и знаешь только то, что тебе положено.

– Здесь? – задумался Ир Нам Гунь, высвечивая фонариком место в дальнем конце трюма. – К контейнеру, который окажется здесь, должен быть свободный проход для меня, и никаких посторонних.

– Вроде подходит. Я отдам приказ, чтобы сюда никто не приближался.

Референт втянул носом воздух. Провел рукой по ребру шпангоута.

– Сухо... – И тут же напрягся: – А это что за трубы?

– Система охлаждения силовой установки судна.

– Подача забортной воды или же сброс отработанной?

– Сброс, – растерялся капитан, поняв свою ошибку.

– Да вы понимаете, что вы мне предложили? Во время плавания здесь будет слишком жарко.

– Извините, товарищ, не подумал... волнуясь. Я хотел предложить место у правого борта. Там проходят трубы забора воды. Она холодная.

Ир Нам Гунь смягчился:

– Все мы волнуемся, такая ответственность. Но нельзя терять голову. Мы не имеем права на ошибку.

Референт ЦК вновь выбрался на свежий воздух. Капитан в это время пригнал двух матросов с мокрыми тряпками, чтобы до блеска вытерли этот угол трюма.

Ир Нам Гунь тем временем уже оказался на улице, лично следил за тем, как четверо докеров расшнуровывают брезент на автомобильной фуре. В глубине кузова белел вместительный контейнер – параллелепипед два метра на метр и на полтора. Вверху по его периметру виднелась густая металлическая сетка, какую обычно устанавливают для вентиляции.

– Погодите, – чуть дрогнувшим от волнения голосом произнес референт, отстраняя докеров.

Он забрался в кузов, приложил ухо к стенке и только затем развязал брезентовые лямки, страхующие контейнер.

– Можете грузить, но только очень осторожно. Ни в коем случае сильно не наклонять и тем более не переворачивать.

Ир Нам Гунь придерживал контейнер руками, когда докеры двигали его к разгрузочной рампе фуры. Он даже лично придерживал ремни, когда его опускали на грузовую тележку. Представитель спецслужб был в курсе, что референт заказал этот контейнер в последнюю очередь. В бланке заказа значилось, что предназначен он для перевозки лабораторных животных, использовавшихся в ядерной программе. Все группы атомщиков работали в режиме строгой

секретности, а потому даже он не знал, какие именно животные понадобились иранским «братьям по разуму». В конце концов, каждый отвечал за свой участок работы. Каждый сам хранил секреты, доверенные ему руководством. И даже представитель всемогущих спецслужб считал лишним знать то, что ему не положено. Еще один значок появился в блокнотике.

Ир Нам Гунь сопровождал контейнер на всем пути его следования. Докеры, проникшись серьезностью момента, обращались с ним, как с хрустальным сосудом, разве что пыль с него не сдували. Наконец контейнер оказался в назначенном ему месте, страховые брезентовые ремни были надежно затянуты.

– И чтобы никто, слышите, никто, кроме меня, к нему не подходил ближе чем... – референт поискал глазами, – чем эта линия, – взглядом он прочертил прямую от одного шпангоута до другого. – Трюмный отсек большой, места хватит.

Маневровый локомотив с лязгом подцепил опустевшие товарные вагоны и потащил их в темноту. Заурчал седельный тягач и увез пустую фуру.

– Желаю успеха, – вялая, как дохлая рыба, ладонь оказалась в пальцах референта ЦК. – На вас лежит огромная ответственность. Партия и правительство доверили вам многое.

В этих словах послышалась прикрытая угроза: мол, если что-то пойдет не так – пощады не ждите.

– Я всю свою жизнь посвятил воплощению в жизнь великих идей «чучхе», – несколько пафосно ответил референт.

– Да, кстати, насколько мне известно, ваш двоюродный брат Ким проходит перевоспитание в трудовом лагере, – голос спецслужбиста перешел в змеиное шипение.

– Я об этом открыто написал в анкете, – выдержал удар Ир Нам Гунь.

– Брат за брата не отвечает, – тонкие губы растянулись в коварной улыбке. – Но вы были очень дружны с ним в детстве. Наверное, кое-какие чувства сохранились. Перевоспитание на то и перевоспитание, чтобы потом человек вышел на свободу полноценным членом коммунистического общества. У каждого из нас есть родные и близкие. Не забывайте об этом вдали от Родины. Здесь остаются ваши жена и сын. Им не должно быть стыдно за вас.

Глава 7

Позади остались полет чартерным туристическим рейсом, следовавшим из Москвы с посадкой для дозаправки в Хабаровске в столицу Папуа – Новой Гвинеи Порт-Морсби, встреча в открытом кафе с российским дипломатом в этой не слишком популярной у россиян стране. От него все члены экипажа «Адмирала Макарова» и получили новые документы, отдав взамен те паспорта и туристические путевки, с которыми прибыли. Каким образом дипломату, наверняка связанному с ГРУ, удалось проставить в нем все нужные штампы о прибытии в Порт-Морсби, командир сверхсекретной мини-субмарины капитан второго ранга Илья Георгиевич Макаров не знал, да и не должен был знать. Многое, что касалось выполнения задания, которое было поручено ему, оставалось вне поля его зрения. Есть конкретная задача, и ее нужно выполнять, а уж потом дешифровщики, аналитики займутся своей работой. Как говорится, «кто на кого учился».

Российские подводники согласно паспортам, с которыми экипаж «Адмирала Макарова» проходил паспортный контроль в аэропорту, якобы направились отдыхать в один из прибрежных отелей. Поселился ли потом кто-то другой в заказанных номерах, капитан второго ранга Макаров не знал. Скорее всего – да. В ГРУ всегда найдутся люди, кого нужно легализовать за границей.

Российский дипломат отдал документы и произнес:

– С туристической «легендой» покончено, теперь вы матросы торгового флота. – И придвинул к Илье Георгиевичу конверт: – Здесь маршрут следования и название судна, на которое вы должны взойти, – сказал он, встал и ушел.

На осмотр достопримечательностей времени не оставалось, через три часа экипаж субмарины должен был оказаться на борту торгового судна...

Сухогруз под российским флагом мирно стоял у бетонной стенки порта. Уже была произведена дозаправка, на борт подняли свежие продукты, закупленные в городе. Члены команды спешили подняться на судно. Вопреки обыкновению капитан сухогруза под российским флагом прохаживался у сходней – на берегу. Он несколько манерно и слишком часто курил, как делает человек, желающий скрыть волнение, посматривал в сторону ворот. В том, как ходил, как держался капитан в белоснежном кителе, чувствовалась его военно-морская выправка. Но и в этом не было ничего странного. Военно-морские офицеры рано уходят на пенсию: мужчины в самом расцвете сил, как говаривал Карлсон – популярный персонаж шведской писательницы Линдгрэн. Многие из них не прерывают свою связь с морем, работают потом в торговом или рыболовном флоте. Хороший специалист всегда найдет себе место.

Капитан сухогруза сдержанно улыбнулся, когда возле него остановился арендованный микроавтобус. Наверняка он уже знал командира «Адмирала Макарова» в лицо по фотографиям, а возможно, и других членов экипажа.

– С документами вопросов не возникло? – тихо осведомился капитан сухогруза.

– Абсолютно никаких, – почти не шевеля губами, ответил Илья Георгиевич.

– Тогда прошу подняться на борт.

Капитан сухогруза ни на шаг не отходил от экипажа мини-субмарины, тихо информировал:

– Не все члены нашей команды в курсе происходящего. Поэтому постарайтесь до наступления темноты не показываться на палубе. Каюты ждут вас. Располагайтесь, отдыхайте. В море выходим через час.

На сухогрузе не было лишнего комфорта, хотя и жаловаться, в общем-то, было не на что. Все же просторнее, чем на подлодке. Макарову и старпому Даргелю досталась одна каюта на двоих, зато с отдельным душем, совмещенным с галюном.

– Ну что, старпом? – Илья Макаров отдернул небольшую белую занавеску, прикрывавшую иллюминатор. – Не будешь против, если закурю? Под водой такое удовольствие позволишь себе нечасто.

Николай Даргель пожал плечами, мол, если курить у открытого иллюминатора, то – нет проблем.

– Я пока душ приму, с ним под водой тоже напряженка, – старпом подхватил махровое полотенце.

Вскоре за тонкой перегородкой душа уже всюду гудела вода. Через решетку вентиляции в нижней части двери валил пар. Когда Николай Даргель вышел из душа, опоясанный мокрым белоснежным полотенцем, то капитан «Адмирала Макарова» уже спал. Стараясь не шуметь, старпом тоже нырнул под простыню...

Даргеля разбудил тихий зуммер наручного хронометра. За иллюминатором было темно. Макаров уже сидел на постели, вглядываясь в циферблат часов.

– Через четверть часа сбор в гостевой каюте, – сообщил он, – ты, старпом, в душе уже побывал. Теперь моя очередь.

Экипаж подлодки собрался в гостевой каюте ровно через пятнадцать минут. На диване аккуратными стопками лежало белье и серые робы без знаков различия. Специальная обувь с липкими подошвами выстроилась ровной шеренгой у стенки. Капитан сухогруза и четверо членов команды тоже находились здесь.

– Оставить все личные вещи, – напомнил Илья Георгиевич и первым принялся переодеваться.

Напоминание было не лишним. Члены экипажа сверхсекретной мини-субмарины не имели права иметь с собой что-либо, по чему можно было бы определить государственную принадлежность.

Сухогруз уже заметно сбросил ход. Это чувствовалось по звуку силовой установки, да и покачивало меньше.

– Мы готовы, – Илья Макаров взглянул на капитана сухогруза.

Моторный шлюп уже был спущен на воду. Члены экипажа «Адмирала Макарова» спустились в него, и плавсредство отвалило от борта в темноту. Шли без огней. Рулевой, сжимавший румпель, ориентировался одному ему известным способом. Безлунный небосвод усыпали огромные мохнатые южные звезды. Их отражения дробились, множились в воде. Сколько ни вглядывался в море Илья Георгиевич, его боевой корабль не просматривался до самого горизонта. Первым среагировал Николай Даргель, он вскинул руку и указал на что-то серебристое впереди, напоминающее застывшую волну. Рулевой повернул румпель, чуть тише затарахтел мотор, и шлюп подошел к этому странному образованию, вздыбившемуся посреди непривычно тихого морского простора.

– Прибыли, – коротко доложил рулевой.

И тут на глазах «застывшая волна» ожила. В воду соскользнула матово-серебристая пленка, привязанные к ней грузы тут же потащили ее на дно. Перед командиром во всей своей красе стоял его боевой корабль: прочнейший титановый корпус, рубка, из отдраенного люка льется приглушенный электрический свет. Из темноты на веслах вышла надувная лодка. Илья Георгиевич вскинул в приветствии руку, узнав находившихся в ней мужчин – четырех техников, которых он в последний раз видел во Владивостоке, когда «Адмирала Макарова» ставили в сухой док на обслуживание.

Иногда пристрастие вице-адмирала Столетова к излишней секретности раздражало командира подлодки. Ни он не знал имени-фамилии старшего в группе техников, ни тот не был осведомлен даже о звании Ильи Георгиевича. Конечно, можно было бы спросить и получить ответ, но так уж было заведено: всю нужную информацию Столетов выдавал или лично, или через своих людей. Тем не менее мужчины обменялись крепким рукопожатием.

- Прошу, товарищ командир, принимайте корабль из рук в руки.
- Осмотр не будет тщательным. Не в первый раз действуем в связке.

Подводники перебрались на палубный настил родного корабля. Старший группы техников не вмешивался в работу экипажа. Он, скрестив на груди руки, молча наблюдал за тем, как офицеры подплава активизируют системы «Адмирала Макарова». Командиру, которого за глаза экипаж называл Морским Волком, коротко докладывали об исправности и готовности.

– Зарядка аккумуляторных батарей – сто процентов. Заполнение топливных баков – тоже сто...

Акустик в своем тесном полутемном закутке уже надел наушники и вслушивался в звуки моря.

– Ближайшее судно – рыболовецкий сейнер – в семи милях, пяти кабельтовых. Удаляется курсом норд-норд-вест...

Командир подлодки только успевал бросать:

– Вас понял. Проверьте перископ... как система подъема стойки гидравлической антенны? Включите выдвижение шнорхеля.

Еле слышно гудели системы пневмо- и гидропривода. На экране главного компьютера появлялись таблички, извещавшие о работоспособности систем.

– Все в порядке? – старший команды техников сдержанно улыбался.

– Так и должно быть, – так же сдержанно ответил Илья Георгиевич, – глубокое погружение покажет.

– Ну тут я вам уже не попутчик, – развел руками техник, – надеюсь, субмарину вы передадите потом в наши руки в более-менее рабочем состоянии.

– Ну, конечно же, сами вы молодцы, а теперь передаете ее в руки подводников-вредителей. Раскурочим все, что только можно. Лишней кувалды у вас не найдется?

– Если нет претензий и пожеланий, то счастливо оставаться. На камбузе есть даже свежая зелень. Дня три не завянет. Единственное, о чем не позаботились, это спиртное и жаркие красавицы. Ничего, – блеснул бесшабашной улыбкой техник, – где-нибудь по дороге купите пару ящичков и подберете: девицы любят добираться автостопом. – И техник сноровисто взобрался по металлической лестнице к люку.

– И вам того же, – крикнул ему вдогонку Илья Макаров.

Вскоре послышалось гудение навесного двигателя моторки. Теперь предстояло узнать о задании во всех его подробностях. В общих чертах командиру подлодки его обрисовал еще в Калининграде вице-адмирал Столетов. Но детали, как всегда, содержались в номерном запечатанном конверте, который покоился в сейфе на борту мини-субмарины.

Макаров вчитывался в короткий, на две с половиной страницы текст. Неожиданностей в задании не было. Предписывалось идти заданным курсом к предполагаемому квадрату встречи северокорейского научно-исследовательского судна и иранской субмарины. Каждый час предстояло связываться с КП Балтфлота для уточнения координат этой самой предстоящей встречи. За передвижением северокорейского судна следили российские спутники-шпионы. По предварительным прикидкам, от нужного места подлодку отделяло около четырех часов хода. На этот раз вопреки обыкновению командир не стал советоваться со старпомом. Все было предельно ясно: безлунная ночь, множество мелей и неглубоких рифов, которыми изобилует Океания, и лимит времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.